

На правах рукописи

Моторина Анна Александровна

Русская художественная проза XX – начала XXI века:
изображение духовного состояния человека
в кризисную эпоху

Специальность 10.01.01 –
«Русская литература»

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2018

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего образования Московской области Московском государственном областном университете на кафедре русской литературы XX века факультета русской филологии

Научный руководитель доктор филологических наук, профессор
Алексеева Любовь Федоровна

Официальные оппоненты:

Ничипоров Илья Борисович, доктор филологических наук, профессор,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова», профессор кафедры истории новейшей русской
литературы и современного литературного процесса филологического
факультета

Леонов Иван Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент, Федеральное
государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Государственный институт русского языка им.
А. С. Пушкина», доцент кафедры мировой литературы филологического
факультета

Ведущая организация Государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования города Москвы «Московский городской
педагогический университет»

Защита состоится «___» _____ 2018 г. в ___ ч. ___ м.

на заседании диссертационного совета Д 212.155.01 по филологическим
наукам на базе Государственного образовательного учреждения высшего
образования Московской области Московского государственного областного
университета по адресу: 105005, Москва, ул. Радио д. 10А.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке МГОУ по адресу:
105005, Москва, ул. Радио д. 10А, также на сайте: <http://mgou.ru>

Автореферат разослан «___» _____ 2018 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета Д 212.155.01,
кандидат филологических наук

Ю. Н. Сытина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В настоящей работе исследуется ряд произведений художественной прозы, характерных для истории русской литературы двух кризисных эпох: первых десятилетий XX века и конца XX – начала XXI века. Несмотря на широкое распространение словосочетания «кризисные эпохи» в гуманитарных науках, специального определения, терминологически закрепляющего данное выражение, сегодня не существует. В исследовании под *кризисными эпохами* понимаются переломные исторические периоды, отмеченные социальными, экономическими и культурными потрясениями. Такое время характеризуется быстрыми изменениями в аксиологических ориентирах общества, приводящими к смене культурных парадигм и типов художественного мирозерцания¹.

Проблемы осмысления противоречий бытия в искусстве кризисных эпох получают преимущественно личностную трактовку: писатели, художники, философы стремятся раскрыть глубины человеческой души, определить значение отдельной личности, в том числе своей собственной, в составе общей жизни, подвергаемой историческим потрясениям. Применительно к поэзии мысль о возможности параллельного сопоставления эпох была высказана, например, В. Г. Бондаренко: «Смело можно сравнивать поэтическое начало XX века и его поэтический финал. Ни подбором имен, ни трагизмом, ни разнообразием стилистических манер и мировоззренческих направлений – ничем конец XX века не уступает его знаменитому началу»².

В литературе данных периодов происходит бурное развитие лирических и лирико-биографических жанров, сложные переплетения

¹Эпоха Советской России не рассматривается в качестве кризисной, так как в данный период была создана устойчивая историко-экономическая формация, основанная на социалистических принципах, а духовно-философские искания, вынесенные за рамки официально поощряемого культурного процесса, хотя и имели место, но не были в центре всеобщего внимания. «Возвращенная литература» (творчество писателей-эмигрантов, «литература письменного стола») стала доступна широкому кругу отечественных читателей лишь с началом перестройки в 1990-е годы, – то есть, с наступлением нового социально-культурного кризиса в России.

² Бондаренко В. Г. Последние поэты империи: Очерки литературных судеб. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 6.

которых позволяют говорить о возникновении нового синкретического жанра. Расцвет лирического синкретизма в кризисные эпохи был отмечен В. М. Жирмунским по отношению к русской романтической поэзии рубежа XVIII – XIX веков: «Мы наблюдаем новый синкретизм поэтических жанров <...>, обыкновенно – с преобладанием лирического элемента: лирическую поэму, лирическую драму, лирический роман, поэмы и романы в драматической форме»³.

На рубежах XIX – XX и XX – XXI веков характерным явлением литературного процесса становится развитие особого вида синкретической лирической прозы, объединившей черты различных эпических (биографической, автобиографической, мемуарной, очерковой прозы с преобладанием того или иного начала) и лирических жанров. По наблюдению В. И. Масловского, от эпоса в «лирической прозе» присутствует «определенная выраженность фабулы, персонажная многофигурность, элементы характерологии <...>. От лирики – <...> субъект повествования (автор, рассказчик, герой), резкая выделенность какой-либо детали, отдельного слова, а также особая значимость лейтмотива, которые <...> вносят в лирическую прозу структурирующее начало. Эпические моменты (события, характеры) растворяются в потоке ассоциаций, лирических отступлений, они как бы помещаются внутрь повествующего сознания, обрамляются им»⁴.

Писатели, отказавшиеся от лирического отображения собственного жизненного опыта, обращаются к наследию предшествующих поколений, осмысляя современность в диалоге со всей культурой. Лексико-семантические изменения, свойственные художественному языку переходных эпох, создают благоприятную почву для интертекстуального взаимодействия существующих в культуре текстов и предполагают

³ Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977. С. 136.

⁴ Масловский В. И. Лирическая проза // Литературный энциклопедический словарь / Под общей редакцией В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 184.

смыслотворческую активность как у создателя произведения, так и у читателя.

Усиление «интегративных процессов»⁵ в переломные культурно-исторические периоды отражается в интермедииальном взаимодействии различных видов искусства. В литературе «актуализируется экфрасис как тип текста»⁶: писатели обращаются не только к живописному, но архитектурному, религиозному, театральному, кинематографическому экфрасису.

Актуальность исследования. Изучение кризисного духовного самосознания автора и героя в русской художественной прозе XX – начала XXI века входит в число первостепенных задач современной литературоведческой науки, дает возможность выявить взаимосвязь жанровых, композиционных, стилистических особенностей произведения с мировоззрением писателя, его отношением к сути творчества и к влиянию художественного слова на общественное сознание.

Степень изученности проблемы. Поэтика русской прозы начала XX века является широко изученным явлением как в плане художественно-образных средств языка, так и в духовно-идейном аспекте. Особенности литературного процесса Серебряного века представлены в трудах современных литературоведов: В. А. Келдыша, Л. А. Смирновой, Н. А. Богомолова, В. А. Сарычева, М. А. Воскресенской, М. В. Яковлева и других. Духовная проблематика литературы начала XX и XXI веков стала объектом исследований Л. Ф. Алексеевой, И. А. Есаулова, О. А. Бердниковой, И. С. Леонова, В. А. Корепановой, С. В. Крыловой, С. М. Червоненко, М. С. Красняковой и других.

В. И. Тюпа, Д. П. Бак, М. П. Абашева, М. А. Хатямова обращаются к проблеме литературной рефлексии как характерной черте кризисных эпох.

⁵ Седых Э. В. Творчество Уильяма Морриса в контексте эстетизации средневековья и взаимодействия литературы с другими видами искусства: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / Элина Владимировна Седых. СПб.: Общество «Знание», 2009. С. 7.

⁶ Пузанкова С. Н. Жанр надписи в творчестве М. В. Ломоносова: поэтика экфрасиса: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Светлана Николаевна Пузанкова. Екатеринбург: ИПЦ УрФУ, 2013. С. 6.

Так, Хатямова, с одной стороны, указывает на усиление роли автобиографических жанров и мемуаристики в литературе переходных культурно-исторических периодов, с другой – выделяет рост интертекстуальных приемов в творчестве писателей как «форму самосознания литературы» (панэстетический неомифологизм символистов, центонная поэтика, метадискурс, метатекст)⁷. Предполагаемая параллельность кризисных эпох рубежа XIX–XX и XX–XXI веков остается для исследовательницы лишь тезисом ввиду ее обращения только к произведениям первой трети XX века.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в разработке концепции художественного осмысления духовного состояния человека в кризисную эпоху на материале русской прозы XX – начала XXI века. Выявление общих тенденций в творчестве писателей переходных культурно-исторических периодов на основании анализа духовно-нравственного содержания и жанровых особенностей художественных произведений является личным вкладом соискателя в изучение вопроса.

Объектом исследования являются избранные литературные произведения русской художественной прозы кризисных эпох XX – начала XXI века.

Предмет исследования – изображение духовного состояния человека в русской художественной прозе кризисных эпох XX – начала XXI века.

Материалом исследования стали: роман В. П. Свенцицкого «Антихрист (Записки странного человека)» (1907) и художественная фантазия «Второе распятие Христа» (1908); повесть Б. В. Савинкова «Конь бледный» (1909); дневниковые записи И. А. Бунина «Окаянные дни» (1918–1920) и рассказ «Солнечный удар» (1925); рассказы М. А. Булгакова «Записки юного врача» (1925 – 1926) и «Морфий» (1927); автобиографическая проза Б. Л. Пастернака «Охранная грамота» (1929),

⁷ Хатямова М. А. Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой трети XX века. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 8.

«Люди и положения» (1956 – 1957); автобиографическая проза М. И. Цветаевой; биографический очерк М. А. Поповского «Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга» (1979), автобиография святителя Луки «Я полюбил страдание...»; роман А. Ю. Сегеня «Поп» (2007); повесть протоиерея Александра Торика «Димон» (2009); книги архимандрита Тихона (Шевкунова) «“Несвятые святые” и другие рассказы» (2011), священника Ярослава Шипова «“Райские хутора” и другие рассказы» (2012); цикл романов Д. И. Рубиной «Русская канарейка» (2014).

Цель диссертационной работы – определение принципов изображения духовного кризиса человека в русской художественной прозе периодов социально-экономических, политических и общекультурных потрясений XX – начала XXI века.

В соответствии с поставленной целью к исследованию привлекаются различные по роду и жанру художественные произведения (от сочинений признанных классиков до работ малоизвестных писателей), в которых выражаются значительные особенности поэтики художественной прозы двух кризисных эпох.

Задачи исследования:

- проанализировать взаимосвязь автора и героя в повествованиях биографического, лирико-автобиографического и квазибиографического типа;
- выявить соотношение жанровых особенностей биографии, автобиографии и жития в жизнеописаниях новоявленных святых;
- рассмотреть специфику художественного отображения писателями духовных истоков христианской истории;
- раскрыть особенности развития православной художественной прозы в начале XXI века;
- выявить роль интертекстуальности в поэтике произведений о кризисных эпохах XX – начала XXI века;

- исследовать интерпретацию творческого кредо писателей кризисных эпох в современном киноискусстве.

Теоретико-методологической основой диссертационного исследования служат литературоведческие труды Вл. Соловьева, И. А. Ильина, Д. С. Мережковского, Н. А. Бердяева, А. Ф. Loseва, М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, В. Е. Хализева, А. Л. Казина, А. В. Моторина, М. М. Дунаева.

Методы исследования. В основе настоящей работы лежит комплексное использование разработанных в литературоведении подходов: структурно-аналитического, аксиологического, сравнительно-типологического, биографического, герменевтического.

Теоретическая значимость диссертации заключается в выявлении особенностей изображения духовного состояния человека в кризисные эпохи XX – начала XXI века, установлении роли лирических жанров в данные периоды, а также раскрытии характера интертекстуального взаимодействия литературных произведений и кинематографа.

Практическая значимость исследования. Результаты могут найти применение в дальнейшем научном изучении литературного процесса рубежей XX и XXI веков, практике вузовского и школьного преподавания русской литературы, культурологии, истории, других гуманитарных дисциплин, в воспитательной работе с молодежью.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В переломные исторические эпохи писатели, художники, философы стремятся осознать взаимоотношения человека с обществом, выявить истоки духовных противоречий в народном самосознании, что обуславливает поиск художественных форм, соответствующих творческому самовыражению, и, в частности, приводит к развитию жанров синкретической лирической прозы, в которой ценностные позиции автора и героя сближаются в сложной повествовательной системе.

2. Писатели диалогически осмыслиют современное для них духовное состояние общества в различных формах интертекстуальности. В процессе структурирования текста автор развертывает усложненное смысловое пространство, оставляя за читателем свободу интерпретации и возможность участия в порождении своей версии художественного содержания произведения.
3. В ходе решения общих для кризисных эпох вопросов нравственности, понимания природы зла, значения Истины в искусстве остро встает проблема духовного самоопределения писателя, его приверженности или противостояния традиционной для России православной культуре.
4. Художественные произведения, отражающие кризис личности в Серебряном веке и на рубеже XX – XXI веков, созвучны друг другу и в равной мере востребованы общественным сознанием, что находит выражение в интермедиальном взаимодействии различных областей культуры, в частности, в кинематографических интерпретациях художественных текстов обеих исторических эпох.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на кафедре русской литературы XX века Московского государственного областного университета, на заседании комиссии по государственной итоговой аттестации в связи с окончанием аспирантуры. Основные положения работы изложены в докладах на международных научных конференциях «Духовные начала русского искусства и просвещения: XII, XIII, XIV, XV, XVI, XVII «Никитские чтения» (Великий Новгород, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017), «Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи» («Смирновские чтения», Москва, 2016); II, III международной научной конференции «Православный ученый в современном мире» (Воронеж, 2013; Москва, 2014); XX и XXI Ежегодной научной конференции НовГУ «Дни науки» (Великий Новгород, 2013, 2014); I, II, III Архангельских Епархиальных образовательных чтениях (Выборг, 2013, 2014, 2015), IV и V Архангело-Михайловских Епархиальных международных образовательных

чтениях (Выборг, 2016, 2017); V Международном конгрессе «Русская словесность в мировом культурном контексте» (Москва, 2014); научном семинаре «Методологические аспекты современной филологии и филологического образования» (Рязань, 2015); международной конференции «Художественный текст глазами молодых» (Ярославль, 2016); юбилейных XXV Международных Рождественских образовательных чтениях «1917 – 2017: уроки столетия» (Москва, 2017).

Содержание работы отражено в 14 статьях, из которых 4 опубликованы в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура диссертации определяется последовательностью и логикой решения поставленных задач. Исследование состоит из введения, двух глав (каждая из которых состоит из нескольких разделов и параграфов), заключения, списка литературы, включающего 191 наименование, и списка иллюстративного материала.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** характеризуется научное состояние изучаемой проблемы, уточняется понятийно-терминологический аппарат исследования, обосновываются актуальность темы диссертации, ее научная новизна, определяются объект и предмет исследования, его цель и задачи, излагается теоретическая и практическая значимость результатов работы.

Первая глава диссертационного исследования «**Лирическое начало в биографических жанрах русской прозы рубежей XX и XXI веков**» состоит из четырех разделов и четырех параграфов.

В разделе 1.1 «Взаимосвязь биографических и автобиографических очерков в творчестве Б. Л. Пастернака и М. И. Цветаевой» представлены наблюдения над процессом литературного развития в начале XX и XXI веков. Оба периода отличаются бурным развитием лирических жанров (не только в поэзии, но и лирической прозе). «Взаимопроникновение

лирического и эпического» в данном виде прозы обуславливается «специфической ролью <...> субъекта повествования, который, как правило, является композиционным центром произведения»⁸ и его единственным связующим звеном. В стремлении запечатлеть действительную жизнь окружающих людей автор раскрывает свое личное отношение к изображенному, в результате чего биографические очерки оказываются тесно переплетены с автобиографическими воспоминаниями писателя, его мыслями и суждениями. Так, Б. Л. Пастернак полагал, что истинную биографию поэта можно найти только в биографиях последователей, так как именно на их жизнях сказывается его творческое влияние. М. И. Цветаева, оставившая многочисленные биографические заметки о жизни современников («Герой труда», «Живое о живом», «Пленный Дух»), утверждала, что вся ее проза «автобиографическая»⁹. С точки зрения писательницы, личность художника может проявиться в творчестве только через образы других людей, в ответ на «события, разговоры, встречи»¹⁰. Подобная потребность в творческом единении с окружающими стала откликом на крушение индивидуалистических традиций эпохи гуманизма, провозглашавших человека центром мироздания и противопоставлявших личность толпе.

Растущий с конца XIX века интерес к писателю как историческому лицу обусловил возникновение многочисленных легенд вокруг биографии автора, что с наступлением XX века отразилось в мифологизации писателями истории собственной жизни. В разделе 1.2 исследуется роль «Автобиографии вымышленного лица в литературе начала XX века». Рассматриваемые здесь произведения не являются литературными мистификациями в традиционном смысле слова. Их отличительная особенность – открытая установка на квазибиографичность; писатели умышленно наделяют героев узнаваемыми

⁸ Масловский В. И. Лирическая проза // Литературный энциклопедический словарь / Под общей редакцией В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 184.

⁹ Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1994 – 1995. [Т. 8, доп.]. Цветаева М. Неизданное. Сводные тетради. М.: Эллис лак, 1997. Т. 5. 1994. С. 8.

¹⁰ Там же. С. 676.

чертами, продолжая начатый в реальности поиск жизненного пути на страницах своих книг. Художественная форма произведений такого рода позволяет авторам предельно обобщенно, глубоко и резко ставить и решать коренные вопросы духовного бытия человека.

В параграфе 1.2.1 настоящего раздела анализируется роман В. П. Свенцицкого «Антихрист (Записки странного человека)». По художественному замыслу автора его роман должен был явить портрет «коллективного Антихриста» – «безобразного двойника», которого всякий «в данную эпоху <...> хоть краешком одним, но пережил»¹¹. Стремясь сразу же обозначить «и исповедальность текста, и его условность»¹², писатель начинает произведение с загадки героя-повествователя о жанре книги – исповедь это или роман. В «Послесловии» Свенцицкий отдельно подчеркивает двойственность произведения: в качестве романа «Антихрист» – «плод воображения», «творческое создание», однако благодаря «органической связи с <...> душой» автора данная книга – «не просто художественный образ», а «в одно и то же время *и роман, и исповедь*»¹³. Лейтмотивом повествования является вопрос главного героя: «Можно ли узнать Христа, не пережив Антихриста?»¹⁴ В заключении книги писатель указывает на невозможность иного познания добра кроме как через встречу и смертельную схватку со злом, выражая тем самым общее настроение своей эпохи.

В параграфе 1.2.2 рассматривается повесть Б. В. Савинкова «Конь бледный». Основой сюжета стал реальный исторический факт: убийство великого князя Сергея Александровича, совершенное И. П. Каляевым под руководством самого автора. В основу характеров главных героев Савинков

¹¹ Свенцицкий В. П., прот. Собрание сочинений. Второе распятие Христа. Антихрист. Пьесы и рассказы (1901–1917) / сост., послесл., коммент. С.В. Черткова. М.: Дар, 2008. С. 224.

¹² Алексеева Л. Ф. Повесть Валентина Свенцицкого «Антихрист» (1908) в контексте литературного процесса // Вестник НовГУ имени Ярослава Мудрого. Серия «Гуманитарные науки». № 1(84) / Материалы XIV Международной научной конференции «Духовные начала русского искусства и просвещения». Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2015. С. 70.

¹³ Свенцицкий В. П., прот. Собрание сочинений. С. 219.

¹⁴ Там же. С. 215.

взял черты товарищей по революционно-террористической деятельности, в то время как образ повествователя строится как закономерный для лирической прозы. Созданная в форме дневниковых записей, повесть несет в себе исповедальное начало, раскрывая перед читателем пределы неверующего сознания. Отрицание всякого закона в конечном счете приводит рассказчика к отрицанию ценности жизни и, как следствие, к утверждению смерти. Не случайно в качестве заглавия и эпиграфа к произведению писатель взял апокалипсический образ, изъяв его из жизнеутверждающего евангельского благовестия: «... И вот конь бледный и на нем всадник, которому имя “смерть”; и ад следовал за ним...» (Откр.6: 8).

Несмотря на художественно объективированный образ повествователя, рассмотренные произведения пронизаны духом лиризма. Автор дневниковых записей в обоих случаях ценностно близок к писателю: выражает его мысли, переживания; раскрывает личную судьбу писателя и близких ему людей. По наблюдению Ю. М. Лотмана, отмеченная тесная связь между творчеством писателя и его личной жизнью восходит еще к 1830-м годам, когда вслед за Руссо литераторы стали превращать себя «в лабораторию наблюдения над человечеством»¹⁵. «“Сердценаблюдатель по профессии”, как определил писателя еще Карамзин», теперь должен был «лично, как человек, пройти через мир зла для того, чтобы его правдиво изобразить»¹⁶.

В разделе 1.3. «Соотношение жанров биографии, автобиографии и жития в жизнеописаниях святителя Луки Войно-Ясенецкого» особое внимание уделяется книге М. А. Поповского «Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга» и автобиографии святителя Луки «Я полюбил страдание...». Дается сопоставительный анализ биографического, автобиографического, мемуарного и агиографического жанров в аспекте присутствия в них лирического, личностного начала; объективности или стремления к соответствию канонам (в качестве методологической основы

¹⁵ Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн: «Александра», 1992 – 1993. Т. 1. 1992. С. 376.

¹⁶ Там же. С. 375.

при анализе используются труды М. М. Бахтина). В ходе критического исследования жизнеописания, составленного М. А. Поповским, делается вывод, что писатель создал не биографию архиепископа-хирурга и не житие святителя, а произведение смешанного жанра, где субъективная авторская точка зрения занимает главенствующее положение. В настоящем разделе обосновывается необходимость создания полноценного канонического жития архиепископа Луки, причисленного Русской Православной Церковью к лику святых в августе 2000 года, поскольку на сегодняшний день имеются только писательские жизнеописания святителя и его автобиографические заметки.

В следующем разделе 1.4 «Выражение авторского начала в православной прозе конца XX – начала XXI века» находит аналитическое обоснование наблюдение над литературным процессом: в этот период в связи с очередным социально-культурным кризисом многие писатели пытаются вернуться к духовным православным истокам, благодаря которым Россия возматала и укреплялась на протяжении тысячелетия. В результате формируется новый художественный жанр – православная лирическая проза – произведения священнослужителей или верующих светских писателей, отображающие действительность сквозь призму православного мировосприятия художника и направленные на раскрытие связи земного мира с небесным.

Продолжая традиции древнерусской словесности, произведения православной лирической прозы содержат четкую вертикаль, разграничивающую высокое и низкое, добро и зло, Бога и дьявола. Повествование здесь чаще всего ведется от первого лица и отличается выраженностью образа автора, наличием его личных суждений и оценок, хотя сюжетно взгляд писателя направлен не внутрь себя, а на окружающий мир. Отдельными параграфами в разделе рассматриваются две книги, вошедшие в «Зелёную серию надежды» издательства Сретенского монастыря: «“Несвятые святые” и другие рассказы» архимандрита Тихона

(Шевкунова) и «“Райские хутора” и другие рассказы» священника Ярослава Шипова. Несмотря на автобиографичность воспоминаний обоих авторов, цель их произведений не биографические заметки о собственной жизни или жизни знакомых, а философский поиск связи земного мира с небесным. Эта «духовная перспектива»¹⁷ в подаче событий реальной жизни становится одним из основных мотивов, скрепляющих циклы «документальных рассказов от первого лица»¹⁸ в единую книгу. Если в отдельных рассказах (композиционно и логически завершенных) повествователь дает синхронический взгляд на изображенное, то в целостном пространстве произведения прослеживается диахроническая идея становления личности и ее постепенного духовного роста. Таким образом, в отличие от лирико-биографических очерков начала XX века произведения современной православной лирической прозы направлены не на создание биографии автора или какого-то отдельного героя, а на осмысление духовного состояния человека. Через творчество писатели стремятся найти выход из духовного кризиса не в вымышленных художественных мирах, а в надежде на будущую вечную жизнь с Богом.

Во второй главе «Поэтика интертекстуальности в изображении человека кризисной эпохи» рассматриваются произведения русских писателей иного творческого склада. Избегая прямого контакта с кризисной действительностью, отталкиваясь от нее и тем не менее находясь под ее воздействием, они продолжают начатое символистами движение от «символа к мифу»¹⁹ и «вселенскому мифотворчеству»²⁰. Постепенно удаляясь от действительной жизни, рисуя заманчивые возможности творения собственной реальности взамен несовершенного окружающего мира, прозаики данного типа обращаются к наследию предыдущих поколений и

¹⁷ Каплан В. М. Иерейская проза. Станет ли она литературным явлением? // Сайт «Фома.ру». №1(81), январь 2010. URL: <http://www.foma.ru/article/index.php?news=4080> (дата обращения: 16.04.14).

¹⁸ Шевкунов Тихон, архимандрит. «Несвятые святые» и другие рассказы. 3-е изд. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2011. С. 636.

¹⁹ Иванов В. И. Собр. соч.: В 4 т. Брюссель: Foyer Oriental Crétien, 1971 – 1987. Т. 1. 1971. С. 714.

²⁰ Иванов В. И. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. С. 83.

интертекстуально осмысливают современную действительность путем диалога с предшествующими культурами.

В широком значении интертекстуальный диалог предполагает особую форму художественного мировосприятия, в которой язык субъекта отождествляется с его сознанием и, как следствие, человек и вся сотворенная им культура мыслятся в качестве текстов, включенных в единый интертекст бытия²¹. В настоящее исследование не включены собственно постмодернистские произведения, а потому интертекстуальность рассматривается не как мировоззренческая позиция автора, но как формопологающая, диалогическая особенность, присущая любому тексту культуры. Характерной особенностью феномена интертекстуальности является цитатное мышление: автор предлагает читателю самостоятельно декодировать заложенные им в текст смыслы (часто пародирующие или противостоящие первоначальным источникам). Используя «интонации» героев чужих произведений и облекая их «познавательные-этические <...> переживания» в новые «ритм» и «форму»²², писатель создает собственную картину мира. Читатель в данном случае не может быть пассивным созерцателем: оппозиция «писатель – читатель» перемещается из рецептивных разрядов «производящий – потребляющий», «создающий – наслаждающийся» в активные формы «производящий – воспроизводящий», «творящий – сотворяющий»²³, предполагающие у читателя не только врожденную генетическую память, но и приобретенный культурный уровень.

Интертекстуальный анализ помогает исследователю глубже проникнуть в смысл текста, приблизиться к точке зрения писателя. Подобный подход особенно актуален по отношению к произведениям кризисных культурно-исторических эпох, так как именно там, «где есть переход, кризис», возникают структурные изменения и «семантико-

²¹ См.: Безруков А. Н. Поэтика интертекстуальности. Бирск: Бирская городская типография, 2005. С. 14.

²² Бахтин М. М. Собрание сочинений: В 7 т. М.: Издательство русские словари языки славянской культуры, 1997 – 2012. Т. 1. 2003. С. 72, 81.

²³ Там же. С. 540.

семиотические трансформации»²⁴, а следовательно, существует и явление интертекстуальности.

Вторая глава включает два раздела, состоящие из семи параграфов.

В разделе 2.1 «Авторская интерпретация сакральных христианских текстов в художественном пространстве» предлагается аналитический итог наблюдений над осмыслением природы зла в художественных произведениях русских писателей Серебряного века и анализируется литературная трансформация ключевых евангельских образов. Искажение евангельских текстов в процессе их художественной обработки одни авторы объясняют стремлением приспособить учение Христа к изменившимся условиям современной жизни, другие – очищением первоисточника от позднейших домыслов. Л. Н. Андреев, А. М. Ремизов, позже Ю. М. Нагибин показывают последовательную подмену искупительной жертвы Бога «спасительной» для человечества жертвой Иуды. В результате глубокого кризиса веры непрерывно творимые апокрифы о жизни Спасителя приводят к предсказанной булгаковским Иешуа «путанице» среди духовных учений, «решительно ничего» из которых Христу не принадлежит²⁵. Евангелие превращается лишь в одну из художественных вариаций на тему истории человечества, а личность Иисуса Христа – в героя мифического вымысла.

Процесс мифологизации образа Христа, характерный для литературы XX века, исследуется на материале художественной фантазии В. П. Свенцицкого «Второе распятие Христа». Данное произведение представляет собой последовательное повторение ключевых фрагментов из жизни Спасителя, включенных в контекст российской действительности начала XX столетия. Несмотря на очевидную связь с легендой о великом инквизиторе Достоевского и «Тремя разговорами...» Вл. Соловьева, взгляды писателей не являются тождественными. В версии Достоевского отсутствует

²⁴ Безруков А. Н. Поэтика интертекстуальности. С. 35.

²⁵ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита // Булгаков М. А. Полн. собр. соч.: В 5 т. М.: Художественная литература, 1989 – 1992. Т. 5. 1990. С. 24.

жестко очерченный финал, благодаря чему автор акцентирует внимание на проблеме свободного выбора и свободной воли человека, отрицая чуждую ему идею неизбежной цикличности истории. Свенцицкий, напротив, завершает повествование вторым распятием Христа, показывая, что современные христиане ничем не отличаются от древних иудеев, а божественная проповедь для большинства людей остается все также неуслышанной и непонятой.

Неомифологической установке писателей начала XX века противопоставляется повесть протоиерея Александра Торика «Димон», написанная в форме современной притчи. Рассказывая о пути человеческой души после смерти, Торик создает фантастический художественный мир, интертекстуально перекликающийся с первой частью «Божественной комедии» Данте. За основу повествования автор взял сюжет об Орфее и Эвридике, на который далее «наложились мытарства»²⁶. При создании произведения Торик опирается на житие преподобного Василия Нового (рассказ блаженной старицы Феодоры) и книгу профессора А. И. Осипова «Посмертная жизнь души», снабженную четкой аргументацией из учения Святых Отцов. Писатель рассматривает фантастический сюжет повести как современную притчу, вспоминая, что и Иисус Христос, «проповедуя о Небесном Царстве <...> уподоблял его – то семени, то закваске, то другим земным творениям»²⁷ наиболее понятным современникам. Размышляя о невозможности передать предметы духовного мира, непознаваемого плотскими органами чувств, иначе как через сравнение их с материальными, земными образами, Торик полагает, что его книга – это созвучный своему времени художественный образ невидимого мира.

²⁶ Сигутин А. Непридуманная история священника Александра Торика [Интервью с протоиереем Александром Ториком] [Электронный ресурс] // Православие и мир. 2011. 25 ноября. URL: <http://www.pravmir.ru/nepridumannye-istorii-svyashhennika-aleksandra-torika/> (дата обращения: 19.03.14).

²⁷ Торик Александр, протоиерей. Доклад на бердянских чтениях. Художественная литература – миссия сегодня // LIVEJOURNAL. Протоиерей Александр Торик. 2011. 3 октября. URL: <http://protorik.livejournal.com/> (дата обращения: 30.03.14).

В разделе 2.2 «Специфика интертекстуального взаимодействия литературы и кино» изучается запечатленное и осмысленное русской литературой XX века духовное состояние личности в кризисную эпоху через обращение к проблеме прочтения произведений словесного искусства с помощью экранизаций; параллельно в данном разделе исследуется взаимовлияние литературы и кинематографа. Синтез данных видов искусства в отечественном литературоведении определяется как интермедиальность – то есть такой механизм взаимодействия, при котором различные виды искусства «не просто соединяются в едином <...> пространстве <...>, но включаются друг в друга, пересекая границы» и образуя «новый языковой и смысловой контекст»²⁸.

Экранизации литературных произведений являются характерным примером «трансмедиального переноса»²⁹. Благодаря интермедиальным связям между различными видами искусства режиссер не просто осуществляет постановку авторского текста, но по-своему отображает весь творческий путь писателя, передавая дух эпохи посредством взаимодействия музыкальных, художественных, пластических и других элементов, объединенных в кинокартину.

В первом параграфе 2.2.1 настоящего раздела рассматриваются избранные произведения И. А. Бунина через призму художественного видения Н. С. Михалкова. Творчески подойдя к бунинскому наследию, Михалков соединил художественный рассказ «Солнечный удар» с документальными записками «Окаянные дни», поместив их в религиозно-философский контекст эпохи. Обращаясь к триаде «Православие, Самодержавие, Народность», режиссер наглядно показывает, как выведение из равновесия любого компонента триединства приводит к разрушению всей

²⁸ Хамина А. А., Зильберман Н. Н. Теория интермедиальности в контексте современной гуманитарной науки // Вестник Томского государственного университета. Серия «Филология». № 389. Томск: Томский государственный университет, 2014. С. 39, 41.

²⁹ Елисеева А. В. Типы интертекстуальных связей при экранизации литературных произведений (на материале фильмов Р.В. Фасбиндера) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 172. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2014. С. 14.

системы. «Как все это случилось? С чего все началось?»³⁰ – эти вопросы снова и снова повторяются в фильме «Солнечный удар» (2014). Данные вопросы, не звучащие прямо в «Окаянных днях», оказываются смысловым центром дневниковых записей Бунина. Таким образом, режиссер расширяет границы короткого художественного рассказа до глобальной философской картины, раскрывающей историю страны.

В следующем параграфе 2.2.2 проводится сопоставительный анализ трех экранизаций рассказов М. А. Булгакова «Записки юного врача» и «Морфий». Хорошая экранизация максимально сохраняет художественное направление первоисточника, независимо от того, насколько буквально режиссер следует оригинальному тексту. Названные качества отличают фильм А. О. Балабанова «Морфий» (2008). Здесь режиссер использовал сценарий, разработанный в 1991 году С. Бодровым-младшим, объединив героев-повествователей двух произведений Булгакова в единый образ. Основанием к подобной интерпретации послужила автобиографичность рассказов писателя. Натуралистичная съемка, аутентичное музыкальное сопровождение в сочетании с хорошей актерской игрой позволили режиссеру точно воссоздать атмосферу булгаковских рассказов, несмотря на вольную трактовку художественных текстов.

Продолжением диссертационного исследования проблемы духовного состояния человека в кризисную эпоху является сопоставление романа А. Ю. Сегеня «Поп» и его экранизации режиссером В. И. Хотиненко. Рассказывая о судьбе священников Псковской Православной миссии, Сегень соединил жанры исторической хроники, житийного повествования и художественной фантастики. Подобное совмещение исторической и художественной правды, по мнению Хотиненко, явилось основанием для передачи «правды чувств»³¹ – творческого проникновения в подлинную

³⁰ См.: к/ф «Солнечный удар», реж. Н. Михалков, 2014.

³¹ Игорь Зыбин. «Фильм “Поп” укрепил меня в православной вере». Беседа с кинорежиссером Владимиром Хотиненко // Православие.Ru. 2010. 20 апреля. URL: <http://www.pravoslavie.ru/guest/34932.htm> (дата обращения: 14.10.2015).

сущность бытия, в духовный смысл русской истории, движимой православной верой.

В конце XX века многие писатели стали обращаться к кинометафоре, монтажным и ретроперспективным приемам, углубившим культурно-исторический контекст произведений. Отдельное место в литературе занял прием экфрасиса как структурно-семантическая единица текста. Обращение к экфрасису реализуется авторами как на языковом уровне в создании словесных картин, этюдов, симфоний за счет ритма, формы, мелодики, выразительных средств языка, так и на тематическом уровне через выбор героями произведений художников, музыкантов, танцоров и изображение их творчества. Благодаря использованию одним видом искусства приемов, характерных для другого, а также непосредственному словесному описанию произведений различных видов искусства, в литературе возникает «иерархия языков»³², что способствует повышению эффективности хранения и передачи художественной информации.

Ярким примером экфрастического мировидения в литературе рубежа XX – XXI веков является творчество Дины Рубиной. Язык кинометафоры в романной трилогии писательницы «Русская канарейка» стал объектом исследования в заключительном параграфе 2.2.4 второй главы. Несмотря на утверждение Рубиной о невозможности постановок ее книг в театре и кино, отличительной особенностью произведений писательницы является кинематографический принцип их строения. Так, в романе «Желтухин» Рубина предлагает воспринимать свои тексты как «наше кино»³³, в котором она одновременно исполняет роль сценариста, режиссера, монтажера и звукооператора. Основываясь на созданной И. А. Ильиным классификации, Дину Рубину можно охарактеризовать в качестве «художника чувственного опыта»: о чем бы ни говорила писательница, она «прежде всего вдвигает в душу читателя *зрительный образ*», «умеет показать вещь через <...> запах»

³² Лотман Ю. М. Об искусстве. – СПб: «Искусство–СПБ», 1998. – С. 17.

³³ Рубина Д. И. Русская канарейка. Желтухин [Кн. 1]. М.: Эксмо, 2014. С. 354.

или же «дать ощутить ее присутствие с силою полной наглядности»³⁴ через звучание. К особенностям художественного языка «Русской канарейки» следует отнести и такой экфрастический прием как постоянное музыкальное сопровождение книги. Сквозным мотивом трилогии является задорный куплетик «Стаканчики граненые упали со стола...»; отдельным главам романа соответствует собственная музыкальная орнаментика. Используя популярные сочинения, Рубина подчеркивает особенности колорита различных эпох; звучат в романе и непреходящие оперные мотивы – ария Г. Ф. Генделя «Dignare», оратория М. С. Вебера «Блудный сын», «Реквием» В. А. Моцарта. С их помощью писательница вводит в повествование библейскую проблематику, затрагивая вечные вопросы соотношения добра и зла, жизни и смерти, веры и неверия. Прослеживая историю семьи Этингеров на протяжении нескольких поколений, Рубина кинематографически созерцает прошлое России в национально-историческом контексте.

В **заключении** диссертации подводятся итоги работы и обозначаются перспективы изучения темы.

Изображение духовного состояния человека кризисных эпох в русской художественной прозе XX – начала XXI века отличается двумя типами соотношения автора и героя, нашедшими выражение в соответствующих художественных формах. В первом случае писатели обращаются к жанру синкретической лирической прозы, сочетающей в себе лирическое, личностное начало с автобиографической, биографической, мемуарной и очерковой повествовательными установками. Здесь автор от лица героя выражает свое непосредственное отношение к действительности, собственную ценностную позицию, а потому воспринимается читателем как одно с героем лицо. Во втором случае художник избегает прямого контакта с кризисным миром, погружается в мир творческого вымысла, онтологически осмысляя бытие через диалог со всей культурой.

³⁴ Ильин И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин – Ремизов – Шмелев. Мюнхен, 1959. С. 34, 41, 43.

В художественных произведениях кризисных эпох XX – начала XXI века наблюдается существенно различное понимание писателями природы творчества, его целей и используемых для их достижения средств: расходятся представления о соотношении автора и героя, правды и вымысла, «реальности» и «нереальности», а в итоге отличается и понимание самого смысла человеческой жизни.

В перспективе дальнейшей работы над поставленной проблемой возможно привлечение к исследованию новых имен, выявление связей современной словесности с древнерусской художественной традицией, классической литературой «золотого века»; желательно также исследование воздействий зарубежных писателей и в целом иностранной культуры на творческое самосознание художников кризисных эпох.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Моторина А. А. Вопрос изобразимости духовного мира в повести протоиерея Александра Торики «Димон» // Вестник НовГУ имени Ярослава Мудрого. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 1 (84) / Материалы XIV Международной научной конференции «Духовные начала русского искусства и просвещения». – С. 114–118. – 0,5 п.л. (ISSN 2076-8052).
2. Моторина А. А. Иван Бунин в интерпретации Никиты Михалкова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 3. – С. 86–93. – 0,5 п.л. (DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-86-93 / ISSN 2072-8522).
3. Моторина А. А. Жизнеописание святителя Луки Войно-Ясенецкого (к вопросу о соотношении биографии, автобиографии и жития) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия:

Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 5. – С. 113–121. – 0,7 п.л.
(DOI: 10.17238 / ISSN 2227-6564.2017.5.113).

4. Моторина А. А. Кинематографический принцип восприятия действительности в трилогии Дины Рубиной «Русская канарейка» [Электронный ресурс] // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 4 (12). – С. 1–4. URL: <http://www.novsu.ru/file/1402344> (дата обращения: 22.01.2018). – 0,5 п.л. (ISSN 2411-7951).

Публикации в других научных изданиях:

5. Моторина А. А. Идейно-художественное единство книги архимандрита Тихона (Шевкунова) ««Несвятые святые» и другие рассказы» // Духовные начала русского искусства и образования: Материалы XII Международной научной конференции «Духовные начала русского искусства и просвещения». – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2012. – С. 207–219. – 0,7 п.л. (ISBN: 978-5-89896-462-7).
6. Моторина А. А. Школьное изучение православного направления в русской словесности начала XXI века (методические особенности) // Проблемы и перспективы развития вузовской подготовки учителей начальных классов: сб. ст.: вып. 6. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2014. – С. 62–66. – 0,3 п.л.
7. Моторина А. А. Роль художественного слова в формировании национального самосознания // Православный ученый в современном мире. Духовно-нравственная культура и цели российского образования: новации, преемственность, мировоззренческие парадигмы: Материалы III международной научно-практической конференции, 16 окт. 2014 г., Свято-Троицкая Сергиева лавра. – Т. 2. – Воронеж: издательство «ИСТОКИ», 2014. – С. 441–447. – 0,3 п.л. (ISBN: 978-5-4473-0047-0).
8. Моторина А. А. Рассказы Булгакова глазами кинорежиссеров // V Международный конгресс «Русская словесность в мировом культурном

- контексте». Избранные доклады и тезисы. Т. 1 / Под общ. ред. И. Л. Волгина. – М.: «Белый Ветер», 2015. – С. 519–524. – 0,3 п.л. (ISBN 978-5-905714-71-9).
9. Моторина А. А. Любовь и боль в книге священника Ярослава Шипова «“Райские хутора” и другие рассказы» // Утренняя заря: молодежный литературный альманах / Ред.-сост. Т. А. Алпатова. – Вып. V. – М.: ИИУ МГОУ, 2015. – С. 53–59. – 0,4 п.л. (ISBN 978-5-7017-2447-9).
10. Моторина А. А. Роман В. П. Свенцицкого «Антихрист (Записки странного человека)» в контексте духовных исканий эпохи // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи («Смирновские чтения»): сборник статей по итогам II Международной научной конференции (г. Москва, МГОУ, 22–23 января 2016 г.) / сост., под общ. ред. Л. Ф. Алексеевой, В. Н. Климчуковой, С. В. Крыловой. – М.: ИИУ МГОУ, 2016. – С. 82–88. – 0,4 п.л. (ISBN 978-5-7017-2651-0).
11. Моторина А. А. Исторические свидетельства и художественная правда о Великой Отечественной войне в романе А. Сегеня «Поп» и его экранизации режиссером В. Хотиненко (материалы курса лекций) // Вестник НовГУ имени Ярослава Мудрого. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 3(94) / Материалы XV Международной научной конференции «Духовные начала русского искусства и просвещения» («Никитские чтения»). – С. 99–93. – 0,5 п.л. (ISSN 2076-8052).
12. Моторина А. А. Природа зла в художественном мире русских писателей Серебряного века // Вестник НовГУ имени Ярослава Мудрого. 2017. № 2(100) / Материалы XVI Международной научной конференции «Духовные начала русского искусства и просвещения» («Никитские чтения»). – С. 38–42. – 0,5 п.л. (ISSN 2076-8052).
13. Моторина А. А. Духовные корни революционного террора в повести Б. В. Савинкова «Конь бледный» // IV Архангело-Михайловские епархиальные международные образовательные чтения в Выборге:

Сборник докладов 2016 г. – СПб.: Издательство РХГА, 2017. – С. 129–134. – 0,3 п.л. (ISBN 978-5-88812-841-1).

14. Моторина А. А. Мифологизация образа Христа в литературе XX века // Художественный текст глазами молодых. Материалы международной научно-практической конференции. – Ярославль: Издательство ЯрГУ им. П. Г. Демидова, 2017. – С. 133–137. – 0,3 п.л. (ISBN 978-5-8397-1113-6).